

УРОКИ ДЕМОКРАТИИ

В Петербург может вернуться процедура согласования архитектурного облика. Это станет первым шагом к разработке петербургского стиля для новых жилых кварталов, рассказал председатель комитета по градостроительству и архитектуре – главный архитектор Санкт-Петербурга Владимир ГРИГОРЬЕВ.

«Владимир Анатольевич, когда в начале 2015 года вы принимали предложение возглавить пост главы КГА, у вас наверняка было желание что-то изменить к лучшему. Что именно?»

– Когда со мной вели переговоры, речь шла о том, что в деятельности КГА нужно многое менять. По опыту работы с комитетом в моей прошлой жизни я не видел вопиющих недоработок в его деятельности, недоработок, которые можно легко изменить.

Не отрицаю, что застройщики не всегда позитивно высказываются в адрес комитета по поводу сроков согласования документации по планировке территорий, а зачастую и об отклонении от утверждения. Но ведь проекты планировки территорий утверждаются не комитетом по градостроительству и архитектуре, а правительством города, которое принимает решение о согласовании или об отклонении такой документации.

Второй важный момент – документация, которая поступает в комитет на согласование, в большинстве случаев далека от требований, к ней предъявляемых. Примерно из 47 проектов планировки, находящихся в комитете сегодня на рассмотрении, большая часть будет направлена на доработку, а согласовано будет менее десяти проектов документации.

Подготовка и выдача градостроительных планов земельных участков тоже вызывают в ряде случаев недовольство строительного сообщества города. Но данный вопрос в первую очередь связан с соглашениями, подписанными между городом и крупными строительными компаниями, что в сегодняшней экономической ситуации является компромиссом в целях налаживания цивилизованной работы.

– О снятии избыточных административных барьеров говорят десятилетиями, а вот и ныне там...

– Административные барьеры нужны. Но они должны быть прозрачны, понятны и строго ограничены в сроках. Ведь что такое государство – это система ограничений. И чем общество демократичнее, тем больше защищает права меньшинства, а значит, тем больше ограничений оно накладывает. Изначально демократия означала власть народа или большинства, так как народ – это большинство по отношению к любым правящим коалициям.

Сегодня происходит подмена этого понятия, поскольку демократия по-европейски – это право меньшинства на вето, учет интересов всех сообществ в государстве. Не все европейские ценности меня лично устраивают, но мы тоже живем в Европе и должны этот момент учитывать.

Так вот, первое, что я сделал, – попросил карту территории Санкт-Петербурга с указанием границ государственных земель. И получилась интересная картина: государственные земли – это брызги краски на полотне, которые оставляет кисточка, основной массив земель находится в распоряжении частных лиц.

Заметьте, большая часть городских территорий находится в собственности меньшинства, и это меньшинство предпринимает попытки диктовать свою волю большинству. Нередко приходится слышать от девелоперов: «Если мы собственники, то мы можем на своей земле

По статусу я обязан принимать единоличное решение, но мне важно знать мнение членов Градостроительного совета

делать то, что считаем нужным». С моей точки зрения, это абсолютно неверный посыл. Государство призвано стоять на защите большинства. Но ведь и большинство в лице горожан неоднородно, оно представлено различными сообществами, интересы которых тоже надо учитывать и защищать. Поэтому и нужны административные барьеры.

– Давайте от урока демократии вернемся к вопросу: что бы хотели изменить, дав согласие занять должность главного архитектора?

– Считаю, что одна из основных функций главного архитектора города, главы комитета по градостроительству и архитектуре, состоит в том, чтобы в городе не появлялось однозвоных и уродливых строений, а создавалась комфортная среда. Я хотел бы вернуть процедуру согласования архитектурного облика. Первый шаг к этому уже сделан.

На самом деле сложившееся положение дел не устраивает многих. Могу сказать по собственному опыту – учет мнения коллег всегда идет на пользу. Все мои проекты, прошедшие через процедуру рассмотрения на заседании Градостроительного совета, где коллеги высказывали свое мнение, дорабатывались в лучшую сторону после такого рассмотрения. Убежден, что архитектору не зазорно советоваться с коллегами.

Проблема в том, что, с одной стороны, сегодня упрощена процедура получения формального права на архитектурное произведение. С другой – в силу исторических

процессов и экономии у наших заказчиков не сформировано, на мой взгляд, представление о необходимости поддерживать определенное качество архитектуры хотя бы на том основании, что они строят в Санкт-Петербурге.

Считаю, что мы вместе с Градостроительным советом вправе дать рекомендации заказчику, особенно если объект будет размещаться в ответственном для города месте.

Я также считаю, что главный критерий качества архитектуры – уместность. Это соответствие нового здания пространственной среде места, соответствие его облика и стиля окружающей застройке. Последнее в городе не всегда выполнялось, но и не носило тотального характера.

Из истории вспомним здание «Дома книги» архитектора Сюзора, построенное для компании «Зингер». В свое время оно считалось неконтекстуальным. Объединенный первый и второй этаж, полированный камень, мансарда – в этом доме собрано все, что мы считаем для Петербурга хрестоматийно плохим. Но оказалось, что эта антитеза очень хороша. Историческая справедливость заключается в том, что такой дом у нас единственный. Снятая же таковым может быть признан дом Мертенса.

– Вы намерены повысить роль Градостроительного совета?

– Да, я хотел бы усилить роль профессионального сообщества при принятии решений в отношении ответственных для города территорий. По статусу я обязан принимать единоличное решение, но мне важно знать мнение членов Градостроительного совета.

– Это планируется как-то официально закрепить?

– Планируется. Но в определенном смысле мы оказались заложниками демократии, включив в Градостроительный совет представителей градозащитных организаций. Сформирован новый состав Градсовета, однако градозащитники отказались согласовывать новое положение о Градсовете.

Просматривается явное желание превратить Градостроительный совет в некий общественный совет по делам архитектуры посредством введения в состав со-

вета трети неархитекторов. Защитники архитектурного облика Санкт-Петербурга под градостроительством понимают главным образом социологические, экологические и географические аспекты.

– Вы намерены искать конструктивный формат общения с градозащитниками?

– Мы сейчас думаем о форме взаимоотношения с ними. Надеюсь, нам удастся прийти к взаимоприемлемому решению.

– Насколько, по-вашему, главный архитектор Санкт-Петербурга самостоятелен в принятии решений?

– Как главный архитектор, я ощущаю себя самостоятельным, даже пугающе самостоятельным, потому что приходится принимать очень ответственные решения.

Как председатель КГА, считаю себя абсолютно встроенным в структуру органов государственной власти. У нас отлажены отношения и с отраслевым вице-губернатором, и с другими комитетами. А с точки зрения архитектуры мне дана полная свобода, никакого диктата сверху я не ощущаю.

– Во время переговоров с вами речь шла о том, что в работе КГА нужно изменить многое. Какие «пожелания» сверху высказывались?

–Я очень серьезно отнесся к поручению Георгия Сергеевича Полтавченко – подумать о петербургском стиле. Речь шла о наболевшем – о том, чтобы новостройки были комфортны, имели собственное лицо и при этом считывались признаки принадлежности к Санкт-Петербургу.

Это полностью совпадает с моим представлением о роли главного архитектора. И первым шагом к этому станет законодательно закрепленное согласование архитектурного облика проекта. Мы проводим работу над формулировкой понятия «петербургский стиль».

Комитет на 2016 год запланировал проведение двух архитектурно-градостроительных конкурсов. Первым будет открытый конкурс на «петербургский стиль». Выражаю надежду, что в нем примут участие молодые архитекторы. Предметом конкурса будет условный, а может быть, конкретный квартал или жилая группа. Задачей конкурсного проектирования будет создание концепции массовой жилой застройки с узнаваемыми элементами петербургского стиля. Второй конкурс – на концепцию развития «серого пояса» вне промышленного контекста.

Архитектор прежде всего должен стоять на страже архитектуры и лишь затем – на страже интересов заказчика

– Если в условиях задания говорится о квартальной застройке, значит, в повестке для один из базовых принципов исторической петербургской застройки – ансамблевость?

– Безусловно. Основные критерии – ансамблевость, этажность, масштабность и определенные правила обработки фасадов – к этому в Петербурге всегда было особое внимание.

– Под критерием «этажность» что вы имели в виду?

– Считаю, что о петербургском стиле для 25-этажных домов можно говорить только в очень узком диапазоне неких композиционных градостроительных решений – для создания доминант. В жилой застройке при отсутствии храмов какие-то высотные акценты должны существовать, поскольку исторически Петербург достаточно горизонтальный.

– Небесная линия исторического Петербурга больше на пульсе похожа...

– ...Скорее – на кардиограмму. Так вот, эта кардиограмма не должна при переходе в новые спальные кварталы диагностировать остановку сердца. Массив высоток как раз дает это ощущение.

...К этой проблеме надо подходить взвешенно, потому что я предвижу непонимание со стороны застройщиков, девелоперов, которые напрямую связывают этажность с прибылью. Хотя, мне кажется, тут нет прямой связи. Есть такой важный норматив – максимальный коэффициент использования территории (КИТ). В Правилах землепользования и застройки заложен очень странный скачок: до девяти этажей КИТ составляет 1,7, а выше – 2,3. Почему?! Это совершенно необоснованно. При повышении этажности мы экономим только площадь застройки дома, но она составляет 4–20% в общем балансе использования земельного участка. Таким образом, мы можем сэкономить не более 14% территории при переходе от 5 этажей к 25, но никак не 50%, которые автоматически набегает при переходе КИТ от 1,7 к 2,3. Да и эти коэффициенты, на мой взгляд, завышены.

– Вы намерены поднять этот вопрос?

– Да, я хочу эти цифры откорректировать. Не должно быть такой разницы в коэффициенте использования территории при переходе от одной этажности к другой. Тогда застройщики перестанут наращивать этажность на своем участке.

– А как в Европе принято?

– По-разному. Например, в Милане максимальный коэффициент застройки – 1,0, поэтому там хватает места для всего – для отдыха, занятий спортом, парковок. А у нас места не хватает. Между прочим, в советское время КИТ был около 1,0. Достаточно вспомнить кварталы того времени, чтобы убедиться в этом. Мое личное мнение – я бы с большим удовольствием жил в таких кварталах.

Я хочу предложить коэффициент использования территорий, равный 1,5. Реакция на это, конечно, легко прогнозируема. Хотя думающие на перспективу девелоперы уже убирают с первого места критерий по максимальному выходу площадей (чем больше получил квадратных метров жилой площади со своего участка, тем рентабельнее проект), а придерживаются ленинского тезиса: «Лучше меньше, да лучше».

– *Режиссеры, как правило, диктаторы. А в архитектурных мастерских – диктатура или демократия?*

– В хороших – диктатура.

– *А в КГА как вы себя позиционируете?*

– Я бы с удовольствием вел себя как диктатор, если бы было понимание, что диктовать. Но я скорее тот, кто идет на параде перед батальоном и задает ритм и направление движения. В комитете масса специфических дисциплин, начиная от инженерной подготовки территорий, развития транспортной инфраструктуры, Правил землепользования и застройки, заканчивая юридическими вопросами и множеством других. Собственно градостроительства и архитектуры в КГА, как это ни покажется парадоксальным, относительно мало. Во многом наша работа заключается в организационно-юридическом обеспечении градостроительной деятельности. Может быть, не все задумываются над этим, но мы, по сути, создаем правовые условия для ведения бизнеса. И многие согласны с тем, что комитет делает максимум между существующими инструкциями и здравым смыслом. Наша задача облегчить инвестиционно-строительный процесс, упростить его, сделать прозрачным в рамках заданных правил, которые направлены на обеспечение социальной защиты населения.

– *Лет 20 эти слова чиновники всех уровней повторяют, как мантру, но от этого и бизнесу не слаще, и народ не доволен культурой строительства. Почему правила игры по-прежнему остаются мутными?*

– В обществе всегда существуют задачи, которые актуальны во все времена. В православной системе координат – это спасение души. У бизнеса цели не меняются во времени и пространстве – это извлечение прибыли. Не теряет актуальности и то, что комитет по градостроительству и архитектуре старается защитить социальные права граждан, обеспечить функционирование города в целом на много лет и десятилетий вперед. Не всегда удается достичь поставленных целей, поскольку в ряде случаев это очень сложно сделать, а иногда и практически невозможно.

Мы проводим работу над формулировкой понятия «петербургский стиль»

– *Но я-то говорю о том, что должно меняться, – о совершенствовании системы управления, повышении прозрачности деятельности чиновников. Почему в Западной Европе определенности во времени и прозрачности согласовательного процесса удается достичь?*

– Кто вам сказал?

– *Да ваши же коллеги на конференциях и круглых столах постоянно ссылаются на Запад в качестве положительного примера, в частности – на Германию, Финляндию.*

– Ссылаться можно на многие вещи. Охотнее всего говорят о том, чего не знают. За рубежом реально работает один петербургский архитектор – Сергей Чобан. Я могу сказать, что согласование перепрофилирования помещения в магазине в Лондоне занимает восемь месяцев, что вполне сопоставимо со сроками согласования в Санкт-Петербурге. Инвесторы в Европе проходят согласование с муниципалитетами, общинами, в отличие от нас. За границей тоже не все так просто.

– *Пусть будет так – хорошо там, где нас нет. Но и иностранцы говорят о том, что у нас работать очень рискованно, что сравнение инвестиционного климата даже с Белоруссией не в нашу пользу. Кстати, об этом говорят и российские бизнесмены.*

– Надо критически относиться к тому, что говорят, в том числе и иностранцы, и уточнять детали, разбирать конкретные случаи. Если говорить о программе Doing Business, которая сейчас у нас проходит, то в качестве образцового примера проведения согласовательной процедуры они взяли возведение склада площадью 3000 кв. м. Мне кажется это некорректным, потому что у нас разные согласовательной процедуры в принципе. В Европе проекты проходят через градостроительные советы, муниципалитеты и прочие инстанции – через то, что у нас есть, и то, чего нет. Ведется строжайший контроль за всем, что строится.

Почему мы так часто меняем законодательство? Потому что мы исправляем ранее допущенные ошибки, которые невозможно предвидеть на этапе разработки нормативных документов, не имея навыков правоприменения.

– *Объявлен Всероссийский конкурс «Архитектурный образ России». А можно говорить о русской архитектурной школе?*

– Российская архитектурная школа в полноценном понимании этого явления как вклада в мировую культуру – это школа конструктивизма, и это уже Новейшая история. Если говорить о более ранних временах, то архитектура русских кремлей и более поздняя – она заимствованная. Вспомним, что русские православные храмы – это сильнейшее влияние византийской школы. Взять из относительно современной архитектуры, например, сталинский ампиризм – это некая транскрипция архитектуры ар-деко и неоклассицизма. Это не новация, а эклектика, она не тянет на мировое стилистическое явление, хотя достаточно серьезная в художественном плане благодаря реализации создания имперского стиля для нового Советского государства. А вот русский конструктивизм был чисто отечественным, ярким явлением, которое повлияло на мировой модернизм XX века.

Говорить о некой русской школе в стилизовании некорректно, однако можно говорить об ее особенности – это школа выживания. Как некое поведенческое явление оно имеет право на существование. По-моему, нигде так не экономят на архитектуре, как в России.

– *А блистательный Петербург?*

– Я говорю о нашем времени. Конечно, в золотой век Петербурга на его представительском образе не экономили, но уже в середине XIX века скупчились, это стилистически отразилось в виде господства эклектики. На рубеже

Я хотел бы вернуть процедуру согласования архитектурного облика. Первый шаг к этому уже сделан

XIX–XX веков архитектуре опять уделали должное внимание, в тот период появилось много интересных домов. Не экономили на архитектуре и в сталинское время, но уже при Хрущеве ситуация резко изменилась – началась борьба с архитектурными излишествами, архитекторы как класс были не востребованы.

– *Всегда пытаются найти «русский след» во всех явлениях, некую национальную оригинальность...*

– «Русский след» как раз есть во всем, что появлялось на нашей земле, и откуда бы мы ни заимствовали стили. Возьмите Санкт-Петербург. Как говорил архитектор Павлов, все, что в Риме делалось из камня, в Петербурге – из штукатурки. Все это красилось, получало другое звучание и в результате имеет иное гуманистическое значение. Классические европейские города – Париж, Эдинбург, Рим и другие выполнены в едином материале – камне и выглядят очень монументально.

А Петербург смотрится несколько человечнее за счет штукатурных фасадов, а также за счет того, что большинство архитектурных элементов выполнено в натуре с нарушением идеальной симметрии. Обработка камня заранее предполагает большее качество, чем штукатурка.

Обратите внимание, детали фасадов, например сандрики (карнизы, – *Прим. ред.*), относительно порталов окон всегда немного кривоваты – одни чуть выше, другие чуть сдвинуты, третьи имеют малозаметные перекосы, не под прямым углом. Этому глаз может даже не замечать, лишь присмотревшись, вы обратите на это внимание. Визуально при строгости классических ансамблей это создает определенную прелесть. В этом есть ассоциативная связь с нашими древними храмами, стены которых выравнивали руками. В этой неровности, легкой несимметричности, неидеальности обработки поверхности присутствует ощущение рукотворности.

Российской школе свойственна рукотворность и мучительное выживание архитекторов в условиях жесткой экономики. Конечно, на архитектуру оказывает влияние и климат. Каменных домов в Санкт-Петербурге по определению не быть может, поскольку в них очень холодно.

– *Вы как-то сказали: «У нас забыли слово «честь». Что означает это слово применительно к архитектуре?*

– Считаю, что архитектор прежде всего должен стоять на страже архитектуры и лишь затем – на страже интересов заказчика. Ему не следует делать два варианта: один – по заявкам заказчика, другой – свой. Он должен делать тот проект, который считает правильным. Но это под силу такому специалисту, который любит свою работу больше, чем жизненные блага. Может быть, это звучит несовременно...

Недавно смотрел спектакль «Амадей» Моцартпрожил юртовую, достаточно непростую и не очень счастливую жизнь. Талантливых, хорошо оплачиваемых художников – единицы. Архитекторы в отличие от них, конечно, более благополучны, поскольку у архитекторов ниже градус творческого «я», их деятельность более востребована, утилитарна. В случаях когда творческое начало составляет 100% деятельности, таких творцов сопровождают значительные житейские проблемы, благополучных среди них единицы. И тем не менее этими людьми что-то движет, помимо желания заработать... ■

Ирина Крацова